

Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева

Е. Ю. РАСКИНА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ)*

Географические образы, символы и мотивы имеют в творчестве Н. С. Гумилева образно-символическое значение. Речь идет о «поэтической географии», представленной в творчестве поэта, о философии географии — геософии. Н. С. Гумилева можно назвать поэтом «священной географии», а лирического героя его поэтических произведений — странником, который стремится отыскать «царство поэтов», «Индию Духа», чудесный сад, подобный райскому.

Ключевые слова: философия географии, геософия, географические образы, символы и мотивы, поэтическая география, «Индия Духа».

Geosophical Aspects in N. S. Gumilev's Oeuvre

E. YU. RASKINA

(DASHKOVA MOSCOW INSTITUTE FOR THE HUMANITIES)

Abstract: The geographical images, symbols and motifs imply an imaginative and symbolic meaning in N. S. Gumilev's creative work. It is referred to «poetical geography» and philosophy of geography — geosophy — in the poet's oeuvre. We may call N. S. Gumilev the poet of «sacred geography» and the lyrical protagonist of his poetical works — a pilgrim who aspires to find «the kingdom of poets», «the India of Spirit», a wonderful garden similar to Paradise.

Keywords: philosophy of geography, geosophy, geographical images, symbols and motifs, poetical geography, «the India of Spirit».

Пространственная тематика поэзии Н. С. Гумилева, поэтическая география, представленная в его текстах, становилась предметом отдельных исследований, но тем не менее не была рассмотрена глубоко и подробно. Однако именно Гумилева с полным на то основанием можно назвать «поэтом сакральной географии». И дело здесь не только в многочисленных географических терминах, присутствующих в текстах поэта и отсылающих нас к определенным реалиям — точкам на карте, а в культурно-исторической, религиозной и мифологической наполненности этих реалий. В поэзии Гумилева присутствуют не топонимы, а культуронимы, «мифы о месте», поэт упоминает о неких сакральных центрах земли, об «Индии Духа», к которой стремятся паломники и путешественники. Мирская география перерастает в сакральную, география становится геософией, приобретает дополнительные культурно-исторические,

мифопоэтические и геополитические факторы.

Упреки в бутафорском экзотизме, адресованные поэзии Н. С. Гумилева, основаны на непонимании геософских аспектов его творчества. Уже современники и соратники по второму «Цеху поэтов» отмечали, что экзотизм африканских стихов Гумилева обладает совсем иной породой, нежели «экзотизм Гогена и все, что ему родственно» (Альманах Цеха поэтов, 1921: 69). «Только близорукому Гумилев покажется потомком Гогена, — справедливо утверждал Г. Адамович в рецензии на вышедший в Севастополе сборник «Шатер». — Он всегда был и остался в новой своей книге прежде всего мужественным в смысле желания работать в мире, «преображать» его, как любят у нас говорить, а не очаровываться им...» (Альманах Цеха поэтов, 1921: 70). «Природа этих стихов совсем иная, — продолжал Г. Адамович. — Есть мир, и есть человек, хозяин его.

* Раскина Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент Московского гуманитарного института имени Е. Р. Дашковой. Тел.: +7-963-603-45-67. Эл. адрес: secrdisser@rambler.ru

Хорош тот хозяин, который все любит и все хочет описать...» (Альманах Цеха поэтов, 1921: 69).

Если в экзотизме Гогена Адамович видел выдумку мечтательного и усталого поколения, «отвыкшего от действия и ищущего утешения и обмана», то в африканских стихах сборника «Шатер» поэт и соратник Гумилева по второму Цеху совершенно справедливо усмотрел желание одухотворить «огромную, беспредельную во всех измерениях материю», преобразить движением, поэтическим ритмом «косный сон стихий». Однако, как резюмировал Адамович в своей рецензии на «Шатер», «огромная, беспредельная во всех измерениях материя еще не одухотворена, и наша культура есть еще младенческий слабый лепет» (Альманах Цеха поэтов, 1921: 70).

Гумилевская поэтическая география во многом является следствием «работы человека в мире», о которой писал Адамович. Работа поэта (человека-хозяина) в мире заключается в том, чтобы описать его («исчислить») и назвать, подобно географу и мореплавателю открыть неведомую землю и заговорить о ней на «языке девственных наименований». Земля предстает в текстах Гумилева не косной, угрожающей человеку материей, а освоенным и окультуренным пространством, в котором совершает свою работу поэт.

Экзотизм Гумилева — это не бегство усталого и мечтательного декадента от европейской цивилизации, а стремление освоить новые для русской поэзии пространства и дать этим пространствам достойные их имена. Так, благодаря «Шатру» в пространство русской поэзии вошла Абиссиния-Эфиопия — одна из самых таинственных и насыщенных культурными реалиями стран загадочного «черного континента». Поэтому мы можем говорить о гумилевском экзотизме как о совершенно особом феномене, основанном на геософских аспектах его творчества.

В данном контексте необходимо обосновать использование термина «геософия» применительно к творчеству Гумилева, объ-

яснить, о каких именно геософских аспектах его текстов идет речь. И прежде всего здесь следует сослаться на один интереснейший эпизод из биографии Николая Степановича. В конце 1909 — начале 1910 г. Гумилев выступил с инициативой создания Геософического общества, упоминание о котором содержится в письме к Вячеславу Иванову от 5 января 1910 г. В качестве источников, упоминающих о Геософическом обществе, Н. А. Богомолов приводит письмо падчерицы Вячеслава Иванова Веры Константиновны Шварсалон, написанное, вероятно, в конце октября или в начале ноября 1910 г. «Из таких второстепенных вещей сначала наше геософическое общество, затеянное Гумилевым, и которое пока ни к чему действительно не привело, вследствие неимения материала и не строгому отношению к обществу (а не к идее самого Гумилева)», — писала падчерица Вячеслава Иванова (Богомолов, 1999: 119).

Геософическое общество Гумилев «затейл», по видимости, в противовес Теософскому обществу, основанному в 1875 г. Е. П. Блаватской и полковником Г. С. Олкоттом. Созданию Геософического общества предшествовал проект совместной с Вячеславом Ивановым поездки в Абиссинию. Но Вячеслав Иванов, охотно беседовавший с Н. С. Гумилевым о таинственной стране царицы Савской и царя Соломона, в Абиссинию все же не поехал, сославшись на то, что был «болен, оцеплен делами — и беден, очень беден деньгами» (Бронгулеев, 1995: 151).

Тем не менее впечатлениями от абиссинских поездок Гумилева, привезенной поэтом коллекции и бесед Гумилева с Ивановым об Абиссинии навеяна газзела Вяч. Иванова «Роза царицы Савской», вошедшая в цикл «Rosarium» из сборника «Cor ardens». В поэтических текстах Вячеслава Иванова и Н. Гумилева Абиссиния предстает как страна священного брака Льва и Розы, царя Соломона и царицы Савской. С абиссинским мифом в текстах Иванова связано, вероятно, шуточное наречение Иванова «царицей Савской» в письмах Брюсова и Гумилева.

«Поэт сакральной географии» — Гумилев — намеревался преобразить авторские «мифы о месте», присутствующие в его текстах, в обширную культурно-историческую, геополитическую и мифопоэтическую пространственную концепцию, которая должна была воодушевить и вдохновить членов Геософического общества. Вера Константиновна Шварсалон, во всяком случае, называла себя «сестрой в Геософии» (*soeur en Geosophie*) и оставила своеобразный «символ веры» — стихотворение «О чуде» (*Profession de foi*), посвященное Н. С. Гумилеву и явившееся следствием напряженной полемики между Гумилевым и кругом Вяч. Иванова.

В стихотворении В. К. Шварсалон присутствует образ «английской мисс», сжимающей скалу «гвоздем сапожным» и взбирающейся на обетованные вершины, «к чуду» («Мое же чудо, знаю верно, Там — наверху, / Идти к нему мне не «скачками» судьба велит / В короткой юбке и с очками / Английской мисс / Сжимать скалу гвоздем сапожным и твердо лезть...») (Богомолов, 1999: 120). В этом образе присутствуют черты, сближающие его с «американкой в двадцать лет» из стихотворения О. Э. Мандельштама «Американка», которая тоже «поднимается к чуду» Египта и античной Греции (Мандельштам, 1990: 72). Линию американки в двадцать лет, намеревающейся «добраться до Египта», продолжает героиня одноактной пьесы Гумилева «Дон Жуан в Египте» — осматривающая пирамиды мисс Покэр.

Все эти дамы упрямо стремятся к чуду, которое, по их мнению, следует искать на вершинах гор или пирамид. «Но на вершинах там «чудесно» / Все в высоте: / Что в долах мнилось «невозможно» — / Здесь в полноте», — утверждает В. К. Шварсалон в своем «Profession de foi». Однако если английскую мисс из стихотворения В. К. Шварсалон не интересуют «скучные долины», то Гумилев, судя по полемическим интонациям его «сестры в Геософии», искал «чудо» не только на вершинах, но и в «долинах блаженных поместий, посреди кипарисов и роз» (стихотворение Н. С. Гумилева «Родос»).

Стихотворение В. К. Шварсалон носит следы полемики о смысле и целях деятельности Геософического общества. Вера Константиновна упрекает «брата-поэта» в том, что он ищет чудо «через пустоту» («Мой друг поэт! Ты ищешь «чудо» / Через пустоту») (Богомолов, 1999: 119), подразумевая под пустотой, вероятно, иллюзорную земную реальность, ту самую вещь и нечаянную радость познания хрупкого и уязвимого земного бытия, на котором впоследствии настаивал «отец акмеизма». Для Гумилева же «прозрачность» вещей и явлений, о которой писал и говорил Вяч. Иванов, обернулась «призрачностью», а следовательно, развоплощенностью, небытием. Для Гумилева был необыкновенно значим важнейший постулат философской мысли европейского Средневековья: «вещи — мысли Бога». Возможно, именно поэтому «отец акмеизма» не мог принять «прозрачность» («призрачность») вещей и явлений, воспетую Вяч. Ивановым.

В контексте проекта Геософического общества особый интерес представляет письмо Гумилева к В. К. Шварсалон, отосланное в первых числах декабря 1909 г. из Каира, где Николай Степанович напрасно ожидал писем и телеграмм от Вячеслава Иванова — несостоявшегося компаньона по поездке в Абиссинию (Бронгулеев, 1995: 154). «Каждый вечер мне кажется, что я или вижу сон, или, наоборот, проснулся в своей родине. В Каире близ моего отеля есть сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев. Вечером там почти никого нет, и светит большая бледно-голубая луна» (Бронгулеев, 1995: 156).

Обретение «прародины» человечества — райского сада — представляет собой один из повторяющихся мотивов поэзии Гумилева. В письме к «сестре в геософии», предмету недолгого увлечения Гумилева — В. К. Шварсалон — также присутствует мотив обретения прародины, связанный с образом каирского сада — Эзбекие. Для души человеческой обрести родину — значит обрести сад, подобный Эдему, сохраненный где-то на земле и девственно прекрасный. Этот вывод

делает лирический герой стихотворения «Эзбеки», увидевший сад, «подобный священным рощам молодого мира». Николай Степанович далеко не случайно писал «сестре в Геософии» о кайрском саде, в небе над которым светит «большая бледно-голубая луна». Упоминание об этом саде должно было, вероятно, снова подвести Веру Шварсалон к идее Геософического общества и *поискам земного рая — сада*. Не случайно в письме к Вяч. Иванову, написанном на открытке с изображением *тропического сада*, Гумилев писал: «Передайте, пожалуйста, Вере Константиновне, что я все время помню о геософии...» (Бронгулеев, 1995: 156).

«Сакральная география» Н. С. Гумилева предшествовала геософским теориям «евразийцев» — П. И. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина, П. П. Сувчинского, а также работам «последнего евразийца» — Л. Н. Гумилева. П. И. Савицкий понимал геософию как последовательное воплощение категории «месторазвития». Месторазвитие, по П. Савицкому, — это «широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде» (Савицкий, 1997: 283), находящихся под ее влиянием и, в свою очередь, влияющих на нее.

В понятии «месторазвитие» соединены социально-историческая среда и занимаемая ею территория. Геософия соотносит исторические и географические начала и устанавливает взаимодействие между ними. Месторазвитие определяет исторический процесс и духовное своеобразие того или иного этноса, этническое и культурное своеобразие. Соответственно, геософию можно понимать как науку о взаимодействии ландшафта и этноса, земли и народа, как интерпретацию «географии сакральной», «мифов о месте» — культуронимов. Если география имеет дело исключительно с топонимами, то геософия занята культуронимами, толкованием культурно-исторических, религиозных и мифопоэтических смыслов.

Если «евразийцы» говорили о геософии, то В. П. Семенов-Тянь-Шанский развивал кон-

цепцию «гуманистической географии». Уже в 1928 г. в книге «Район и страна» он называл географию наукой «антропоцентрической» и изучал соотношение географии и искусства. Гумилев со своим Геософическим обществом предвосхитил геософские идеи евразийцев, Семенова-Тянь-Шанского и американских исследователей — Райта и Зауэра.

В 1920 г. Джон Райт защитил диссертацию «Географические представления в эпоху крестовых походов» (опубл. 1925), в которой осуществлена попытка реконструкции географических представлений Средневековья, изложены некоторые фундаментальные положения «гуманистической географии». Райт допустил правомерность существования «ненаучной географии», т. е. описаний путешествий, травелогов, отражающих географическое мировоззрение, присущее тем или иным эпохам. Сходная концепция присутствует в работе Карла Зауэра «Морфология ландшафта», предложившего понятие «культурный ландшафт». Зауэр считал, что культурный ландшафт не поддается научному изучению, что за ним скрыта иная, невыразимая реальность. Соответственно, историческую и эстетическую сущность ландшафта необходимо прочувствовать. Постигание «культурного ландшафта» является, по К. Зауэру, непосредственной задачей геософии. В текстах Гумилева, написанных намного раньше, присутствует сходное понимание геософии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альманах Цеха поэтов (1921). Петроград : Изд-во Цеха поэтов.
- Богомолов, Н. А. (1999). Русская литература начала XX века и оккультизм. М. : НЛО.
- Бронгулеев, В. В. (1995). Посредине странствия земного. Док. повесть о жизни и творчестве Н. С. Гумилева. Годы 1886–1913. М. : Мысль.
- Гумилев, Н. С. (1998–2007). Полное собрание сочинений: в 10 т. М. : Воскресенье.
- Мандельштам, О. Э. (1990). Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси : Мерани.
- Савицкий, П. (1997) Континент Евразия. М. : Аграф.